

Многовековые
направления
в языковой
интеграции
хорватского
общества

Centuries-long
Trends in the
Linguistic
Integration
of Croatian
Society

Амир Капетанович

Институт хорватского языка
и лингвистики, Загреб

Amir Kapetanović

Institute of Croatian Language
and Linguistics, Zagreb

Abstract

The article discusses the history of the Croatian language, particularly the paths of the gradual linguistic integration of all Croats and the development of the standard language (based upon the Štokavian dialect) within Croatian society, whose members have spoken three dialects (Čakavian, Štokavian, Kajkavian) since the Middle Ages. Because of the multidialectal situation (all three dialects played an important role in the history of the Croatian language), linguistic integration was a complex process. The use of the Croatian language before national integrality in 19th century may look complicated and disunified, but this article attempts to show the old connections between different dialectal areas and the realisation of two the main conceptions of the construction of Croatian superdialectal (literary) expression in linguistic history: a literary language with a single-dialect basis (but with multi-dialectal infiltration within the superstructure) and a literary (hybrid) type of language based upon at least two dialects.

Keywords:

history of the Croatian language, linguistic integration, Čakavian, Štokavian, Kajkavian, hybrid type of language.

1.

Самые старые из сохранившихся текстов на старохорватском языке были написаны на восточном побережье Адриатического моря на закате эпохи хорватских автохтонных правителей (королевская династия Трпимировичей). Кроме этих сохранившихся фрагментов ранней хорватской глаголической эпиграфики рубежа XI–XII веков — от каракулей наподобие *Пломинской надписи* (*Plominski natpis*), и сильно стилизованных текстов наподобие *Башчанской плиты* (*Bašćanska ploča*)¹ на севере до *Конавльской надписи* (*Konavoski natpis*)² на юге — более старыми,³ и потому более ценными, являются записи латинизированных древнехорватских имен на каменных фрагментах (напр. приблиз. 800 г. VUISSASCLAVO = *Višeslav*, надпись на баптистерии князя Вишеслава; приблиз. 850 г. TREPIME [RO] = *Trpimir*, надпись на части стены алтаря и т. д. [см. МАТЈЕВИЋ СОКОЛ 1997]) и записи имен и званий в латинских документах, выданных при хорватском раннесредневековом дворе. Например, в одной из них, в документе Петра Крешимира IV (Нин, 1066–1067), упоминаются хорватские имена свидетелей (*Boleslav, Adamъc, Vlкъc, Voleša, Budъc, Zovъc, Drugonja, Grubonja*) и их чин (*tepĉi, župan, dĉd, posteljnik, volar, vinotoĉ*):

...Actum est hoc in Nona ciuitate hic coram testibus: **Boleslaus tepci testis, Adamizo, Nonensis iupanus, testis, Ui[l]kizo, iupanus de Luca, testis, Volesa dad testis, Budiz postelnic testis, Iohannes, regis capellanus testis, Zouiz uolar testes (!), Drugona scutobaiulus, Dodauit uinotoc, Grubona decanus testis.** [CD 1967: 106]⁴

С конца XI века в средней части южнославянской области начинают формироваться три наречия (чакавское, штокавское, кайкавское).⁵

¹ Обзор хорватских эпиграфических памятников глаголицы систематически представлен у Б. Фучича [FUČIĆ 1982: 44–60, 282–284].

² Об этом см. [КАРЕТАНИЋ, ŽAGAR 2001; ČUNČIĆ 2009].

³ Раннесредневековые хорватские латинские документы (743–1100) см. в [CD 1967]. См. тоже [LEXICON 1973–1978]. О литературе и образовании в эпохе раннего Средневековья см. синтез [КАТИЋИЋ 1998].

⁴ В статье не переводятся на русский язык иллюстративные примеры.

⁵ Каждое из этих наречий делится на несколько диалектов (11 штокавских, 6 кайкавских, 6 чакавских [см. BROZOVIĆ 1960; BROZOVIĆ, IVIĆ 1988; более подробное деление кайкавского наречия на 15 диалектов предложено в: LONČARIĆ 1982; 1996; 2009]. Только хорваты говорят по-чакавски и по-кайкавски, а штокавское наречие распространено сегодня не только на большей части Хорватии, но и в Боснии и Герцеговине, Черногории и Сербии. Когда-то считалось, что кайкавское наречие является частью словенского языка (напр. “Kajkavština je, po svojoj osnovi, slovenački dijalekat, koji je pod uticajem političkih i kulturnih prilika preuzeo i još preuzima štokavske crte” = “Кайкавщина, в своей основе, это словенский диалект, который под влиянием политических и культурных условий перенял и еще принимает штокавские особенности” [RAMOVŠ 1927, s. v. slovenački jezik]), но это

Со средних веков до XIX в. (когда утверждается общехорватский стандартный язык) эти три наречия, разделяющие этническое и культурное пространство хорватов, сталкивались с определенными трудностями и преодолевали их различными способами, что показывается в этой работе. Пути создания наддиалектного хорватского языка⁶ в прошлом можно рассматривать как отражение двух концепций: формирование наддиалектного языка или на базе одного наречия, или на базе по крайней мере двух наречий/двух языков (хорватского и церковнославянского).

2.

Многие средневековые хорватские тексты нелитургического характера, чаще всего входящие в состав глаголических сборников разного содержания, написаны на чакавско-церковнославянском идиоме, гибридном типе языка, сформировавшемся в результате книжной интерференции церковнославянского и чакавского хорватского языка. Речь идет не о хорватской редакции церковнославянского языка, которая использовалась в литургии и поздней беллетристике, и не о чакавском (а позже и штокавском) литературном идиоме, на котором написаны юридические тексты, часть ранней беллетристики, эпиграфика, разделы сборников законов, колофоны и маргиналии.⁷ Этот “средний” тип литературного языка⁸ трудно четко определить и описать, поскольку

давно отклонено [JUNKOVIĆ 1972, см. так же LONČARIĆ 1996]: кайкавское наречие происходит из паннонской диалектной группы западно-южнославянского праязыка, а не из альпийской диалектной группы (как словенские диалекты, которые первыми отделились от этого праязыка).

⁶ История *хорватского* языка до XIX века не рассматривается нами как история монолитного стандартизованного языка: понятие *хорватский* включает в себя все языковые разновидности, которые использовались хорватами. Современное значение прилагательного *хорватский* подчас не совпадает со значением этого прилагательного у некоторых старых авторов (например, Габделич, Крижанич), а старые региональные названия определенных идиомов (иллирийский, славонский, далматинский и т. д.) не обозначают отдельные славянские языки. Излишне объяснять, что язык *Башчанской плиты* принадлежит к хорватскому языковому наследию наравне с языком И. Гундулича и М. Држича, хотя *Башчанская плита* была написана на чакавско-церковнославянском идиоме (т. е. язык этого текста отличается от хорватского стандартного языка).

⁷ Языковая структура и норма (узус) первого идиома церковнославянская, с некоторыми хорватскими (чакавскими) фонологическо-морфологическими языковыми особенностями, а у другого идиома структура и норма (узус) чакавская, со спорадическими, часто стилистически соответствующими церковнославянизмами.

⁸ См.: “Taj hibridni jezik predstavlja «srednji» knjiški tip jezika negdje na granici između tradicionalnih liturgijskih tekstova i glagoljaških spisa za narod. Za taj tip nije bilo, strogo uzevši, kodificiranih normi...” (“Этот гибридный язык представ-

соотношение церковнославянского и чакавского компонентов варьируется от текста к тексту, даже тогда, когда эти тексты являются частью одного и того же глаголического сборника. Более частое употребление одного или другого компонента зависело от древности образца, происхождения, желаний и намерений переписчика-редактора определенного текста, содержания, времени и места написания текста и т. д.⁹ В чакавский и чакавско-церковнославянский язык XIV–XVI в. попадают также кайкавизмы, об этом см. [HERCIGONJA 1983: 303–385; DAMJANOVIĆ 1995: 63–80]. Один из самых известных примеров церковнославянско-чакавско-кайкавского контакта: *I reku jemu anjeli vražji ki ga budu držali: Čto se žalostiš, ubogi človeče, i kaj se mečeš i zač trepečeš* [PZ, f. 339].¹⁰ Начиная с XV в. церковнославянский компонент постепенно теряет свою силу и уступает место народному языку.

Пример гибридного чакавско-церковнославянского языка можно найти в отрывке из известных записей священника Мартинца, датированных 1493 г., где он, в частности, варьирует флексии местоимений и прилагательных в Р.п. ед.ч. хорватского языка *-ega/-oga*, церковнославянского *-ego/-ago*, а также гибридную флексию *-ogo*. Такое гибридное образование является результатом сознательного отношения к языку текста и владения как церковнославянскими, так и чакавскими нормами (узусом), а гибридные флексии представляют собой “...otklon od obiju normi (staroslavenske i hrvatske)...”¹¹ [DAMJANOVIĆ 1995: 35]:

*...v vřěme svetago otca v Božě pape Aleksandra Šestago i v vřěme Maksimilijana, kralja rimskago, i v vřěme kralja Laclava češkoga i ugarskago i v vřěme našega gospodina kneza Brnardina Frankapana i njega sini, kneza Matija i kneza Krštofora i kneza Feranta, i v duhovnom našego gospodina i otca gospodina biskupa Krstopora Dubrovčanina, biskupa modruškago i krbavskago i pročaja (...) Tägda že poběžđena bisi čest krstjanska, tägda že uhitiše bana hrvatskoga ošće živuća tägda že ubiše bana jajačkogo.*¹²

ляет собой «средний» тип литературного языка, находящийся где-то между традиционными литургическими текстами и глаголическими текстами для народа. Для такого типа не было, строго говоря, кодифицированных норм ...” [HERCIGONJA 1983: 398 (п. 12)].

⁹ О таком гибридном языке хорватских глаголяшей см. [HERCIGONJA 1975: 31]. Вслед за Херцигоном С. Дамьянович различает (на основе текстов глаголяшей XV в.): *хорватскую редакцию общеславянского (старославянского) языка (литургия), сочетание чакавского и церковнославянского (литература), чакавский (право)?* см. [DAMJANOVIĆ 1995: 25].

¹⁰ Церковнославянский: *čto*; кайкавский: *kaj*; чакавский: *zač* (= ‘почему; потому что’). Глаг. рукопись, Сборник Петриса (*Petrisov zbornik*), 1468, транскрипция А. К. См. то же [HERCIGONJA 1975: 32].

¹¹ “...отклонение от обеих норм (старославянской и хорватской)...”

¹² Цит. транскрипция на латинице, см. [HKSV 1969: 82, 84].

Невзирая на то что глаголяштво в XVI в. ослабевает, традиция анонимных глаголяшей,¹³ пишущих на гибридном языке, не прекращается. Самые известные хорватские протестанты происходят родом из Истрии, с хорватского Приморья, из Нового Места и Метлики. Многие из них выросли в среде глаголяшей: Степан Консул Истриянин был священником-глаголяшем, изгнанным из-за своего протестантского вероисповедания, и, вероятно, такая же судьба постигла Антона Далматина. Протестанты возродили три разновидности письма и гибридную языковую концепцию, основанную на смешении элементов различных диалектов, а язык и письмо своих текстов адаптировали в зависимости от области, для которой предназначались книги. А. Далматин и С. Консул во введении к *Первой части Нового Завета (Prvi del Novoga testamenta)* не только ясно говорят, для какого круга читателей предназначен их перевод (в первую очередь хорватам, а затем и для других южнославянских народов), но и подтверждают свои намерения выбором языковых средств, смешивая кайкавские (*takajše, slova, ne bude*), чакавские (*jazika*) и чакавско-штокавские (*tumačenje*) особенности.

*Mi paki takajše jure dobro znamo da vsakomu ovo naše tumačenje i ova naša slova ne bude ugodno. Na to vi, predragi dobri krstjani Hrvatč, znajte da jesmo s tim našim tumačenjem vsim slovenskoga jazika ljudem služiti hoteli, najprvo vam, Hrvatom i Dalmatinom, potom takajše Bošnjakom, Bezjakom, Srbljanom i Bulgarom.*¹⁴

В своих публикациях протестанты приводили рядом несколько синонимов, отмечали менее понятные слова (звездочкой) и в стороне давали их объяснение (порой на другом наречии).¹⁵

Приверженцы контрреформации, как и протестанты, осознавали важность выбора письма и языка в распространении веры (в Риме создается Конгрегация распространения веры). Контрреформатор Франц Главинич (1585–1652), монах, в своих работах склонялся к концепции, согласно которой литературный язык восходит к трем наречиям, хотел основать в Риеке типографию, доставленную из Ураха, через Грац, но, видимо, ему это не удалось, так как нераспакованная протестантская типография была перевезена из Риеки в Рим, где ученик Главинича Р. Левакович (1597?–1649) исправил по русскому/украинскому образцу язык

¹³ Глаголяштво — термин для образовательной и религиозной деятельности глаголяшей. Глаголяш — католический священник, пользующийся глаголицей (и кириллицей) и при богослужении церковнославянским языком.

¹⁴ По транскрипции отрывка из [VONČINA 1988: 199]. В отрывке языковые особенности — кайкавские (*takajše, ne bude*), чакавские (*jazika*) и чакавско-штокавские (*tumačenje*).

¹⁵ Об этом с многочисленными примерами см. [FANCEV 1916: 57–58].

хорватских церковных книг (“русификация”, “рутенизация”, “восточнославянизация” [NAZOR 2008: 124–131]), чем и продолжили заниматься его последователи (И. Паштрич, М. Караман) вплоть до конца XVIII в.¹⁶ Их “стирание” языковых особенностей хорватской (чакавской) редакции церковнославянского языка хорошо видно из сравнения отрывков о блудном сыне из первопечатного *Миссала* (*Misal po zakonu Rimskoga dvora*, 1483) и из трех последующих изданий:¹⁷

Editio princeps 1483 (стр. 66–67)	Левакович 1631 (стр. 93)	Паштрич 1706 (стр. 107)	Караман 1741 (стр. 79)
<i>Vstanu i idu k ocu i reku emu: oče, sagrěših' n(a) nebo i přěd toboju i juže něsam dostoěň' zvatì se s(i)n' tvoì. Na stv(o)ri me ěko edínogo ot naěmnik' tvoih'. I vstav', ide ka otcu svoemu. I egda oče daleče bě, vidě i ot(a)c' ego. I mil' emu b(ě)si.</i>	<i>Vostanu i idu ka otcu moemu i reku emu: otče, sagreših na nebo i pred toboju.</i> Juže nisam dostoen nareči se sin tvoј. Sotvori me ěk(o) edínogo ot naemnik' tvoih'. I vostav' , přijde ka otcu svoemu. Ošče že emu daleče suću, uzre i otac ego. I miloserdiem ganut bisì.	<i>Vostanu i idu ka otcu moemu i reku emu: otče, sagreši[h] na nebo i pred toboju, juže nisam dostoen nareči se sin tvoј. Sotvori me ěk(o) edínogo ot naemnik' tvoih'. I vostav', přijde ka otcu svoemu. Ošče že emu daleče suću, uzre i otac ego. I miloserdiem ganut bisì.</i>	<i>Vostanu i idu ko o(t)cu moemu, i reku emu: o(t)če, sogrěših' na nebo i pred' toboju: uže něsňm' dostoin' nareči sě' sñn' tvoì. Sotvorì mě' ě(ko) edínagō ot naěmnik' tvoih'. I vostav', přijde ko o(t)cu svoemu. Ečē že emu dalečē súću, uzrě ego otec' jegō i smili sě'.</i>

Литературный язык Р. Леваковича и его последователей обусловлен планами Рима по распространению Унии среди православных славян. Первоначально русско-церковнославянско-чакавский, а потом и русско-церковнославянский язык церковных книг римской Конгрегации распространения веры нигде не были хорошо приняты и не играли важной роли в истории хорватского литературного языка (еще предстоит выяснить, попали ли некоторые русизмы в XVII и XVIII вв. из тех редакций в хорватские словари того времени). Никаких следов в истории хорватского языка не оставил также общеславянский языковой гибрид Юрия Крижанича (1617/8–1683), который смешение хорватских диалектов в родном Покупле переделал в “... nacrt o hibridu koji bi umjesto *dijalekata* uključio *jezike*” [VONČINA 1988: 248].¹⁸ Например, в “Политике” (рукопись, 1663) он пи-

¹⁶ Лишь в 1893 г. с церковнославянским *Миссалом* Д. Парчица “u bogoslužne knjige vgačen izvorni hrvatskokrvenoslavenski jezik” (“в богослужебные книги возвращен первоначальный хорватский церковнославянский язык”) [NAZOR 1993: 104].

¹⁷ Первое издание (1483) *Миссала* переиздано в Загребе в 1971. Остальные требники (все под заголовком *Missale Romanum slavonico idiomate...*) опубликованы в Риме. Ссылки приведены в транслитерации по оригиналам, при транслитерации отрывка из Карамана сохранена диакритика оригинала.

¹⁸ “...набросок гибрида, который бы вместо *диалектов* включал *языки*”.

шет следующее: “*Od sivera nas pašet Studenoje more i pustije zemlji. Od vostoka i poludnja okružajut divji narodi: s kojimi nikakovo torgovan’je bit ne mozet*”.¹⁹

В отличие от перечисленных выше попыток, концепция хорватского литературного языка, построенного на базе гибридной чакавско-кайкавской структуры с введением штокавизмов, набрала силу и развилась в общехорватский язык. Этот тип хорватского литературного языка был назван “языком озальского круга”, об этом см. [VONČINA 1973; 1977; 1997] и являлся преемственным языковой культуры глаголящей из Покупля (которые попали туда за время расширения франкопанских имений) посредством протестантских изданий, молитвенника *Hortulus animae* Н. Дешича (*Raj duše*, 1560), книг Ф. Главинича, М. Магдаленича (1625–1704) вплоть до языка литературы дворянского общества, наиболее видными членами которого были Пётр Зринский и Фран Крсто Франкопан. Под покровительством представителей наиболее могущественных семей Зринских и Франкопана этот язык развивался и сохранялся на феодальных владениях от Меджимурья до Приморья с центром в г. Озаль (который одновременно являлся территорией соприкосновения диалектов хорватских наречий). Чакавско-кайкавское сочетание, наряду с употреблением штокавизмов, в литературном языке Ф. К. Франкопана хорошо просматривается в следующих стихах:

*Oh, na što je dobro neg mal čas terpeče,
il veselje koje v žalost premineče?
Al kada je tak stvoreno,
od zle sriče odsujenoi
vsakom terpiti,
moram i ja žalost tu sada podjeti
ter od tebe, vila, prošćenje vazeti.*²⁰

[FRANKOPAN 1995: 88]

С казнью Зринского и Франкопана в 1671 г. в Винер-Нойштадте принудительно прекращается развитие языка озальского круга, а вместе с тем исчезает возможность для такого гибридного типа хорватского литературного языка стать общехорватским. Когда почти исчезли “следы” зринско-франкопанского заговора,²¹ Павел Риттер Витезович из

¹⁹ Текст транскрибируется по отрывку из хрестоматии Вончина с сохранением орфографии оригинала [VONČINA: 1988: 247].

²⁰ В примере можно считать кайкавскими: *terpeče, premineče, v, tak, sriče, vila, prošćenje*; чакавскими: *vazeti, odsujenoi*; штокавскими: *što, koje*.

²¹ Это был плохо организованный заговор против Габсбургов, который был вызван недовольством хорватских и венгерских дворян политикой Леопольда I после победы в войне с турками. Лидеры заговора Пётр Зринский и Фран Крсто Франкопан были обезглавлены. Об этом см., напр., предисловие в [FRANKOPAN 1995: 19–20].

Сеня (1652–1713) попытался возродить концепцию гибрида: изначально он опирался на родную чакавщину (напр., “Разделение сигетское”, хорв. *Oddiljenje sigetsko*), а затем чаще использовал кайкавщину (напр., “Хроника”, хорв. *Kronika*) и штокавщину (напр., “Книга изречения”, хорв. *Priričnik*). В эпосе “Разделение сигетское” Витезович смешивает следующим образом элементы различных идиомов:

*Zač se jur poditi ne mogu natrage,
hiže pohoditi i ukripit drage? (...)*
*Zvana v nepokoju prez grobja ležiju
i na žalost tvoju vičnim sankom siju (...)*
*Za 'vo tugovati vi hočete milo,
što vam se j' u rati sigetskoj zgodilo.*
*Ne mogahu, vilo, od vas zet prošćenje,
kot bi dužno bilo na ,vo odiljenje (...)*
*Svakomu umriti jednuč suđeno je
nigdor ne mre biti prost od smrti svoje.*²²

[ZRINSKI, FRANKOPAN, VITEZOVIĆ 1976: 364, 369, 373]

Витезович является автором латинско-хорватского словаря (хорватско-латинский утерян), в котором отражается трехнаречная концепция, также как и в словаре *Gazophylacium* И. Белостенца (1593/4–1675), и в четырех рукописных словарях И. Танзлингера Занотти (1651–1732) [VAJS VINJA 2011]. Когда мы слышим сегодня такие слова, как *znanost*, *rječnik* и *točka*, стоит вспомнить словарь Белостенца, из которого взяты первые два слова, и словарь Витезовича, в котором засвидетельствовано третье слово (впервые в хорватском источнике²³) об этом см. [ПУТАНЕС 1977]. Среди поздних лексикографических работ до времен хорватского национального Возрождения только в “Словаре” (*Ričoslovník*, 1803) И. Волтича из Тиньяна в Истрии (1750–1825) можно различить трехнаречную лексикографическую концепцию.

Однако со второй половины XVII в. гибридная языковая концепция хорватского литературного языка перестает быть ведущей вопреки усилиям отдельных лиц. Невзирая на то что словари Белостенца и Волтича в XIX в. являлись важными лексикографическими справочниками иллиристов, языковая концепция иллиристов не была гибридной (что первоначально предполагалось), а была выбрана одна престижная языковая структура (штокавская) с надстройкой, которая

²² В примере можно считать кайкавскими: *ležiju, jednuč, ne mre*; штокавскими: *što, suđeno*; чакавскими: *zač, prošćenje*; чакавско-штокавскими: *hočete, vilo, svakomu*; кайкавско-чакавскими: *hiže, v, kot, zet, zgodilo, zvana, nigdor*.

²³ Мы не принимаем во внимание слово “точка” в языке Ю. Крижанича (1661), см. [KRIŽANIĆ 1983: f. 5r].

не являлась исключительно штокавской, а была открыта для кайкавского и чакавского идиомов (особенно в отношении лексики). Только на закате иллиризма Юрай Шпорер (1795–1884) писал уже на своеобразном гибридном языке, сочетая, например, в трагедии “Кастриоти Скандерберг” (*Kastriota Škenderbeg*, 1849) различные диалектные особенности и элементы литературной традиции²⁴ с некоторыми особенностями языковых норм иллиристов (напр., *-ah* в Р. п. мн. ч. им. суш.).

Языковые особенности, которые он отбирает и вносит в текст этой трагедии, характерны иногда только для одного хорватского диалекта/говора,²⁵ но порой он смешивает все диалектные варианты (напр. икавский/экавский/(гипер)экавский рефлекс ятя.²⁶ Например:

*Sve nezgode sam **sritno** odolečio,
Sve strane sam **obašo**, **kadi** turska
Himbenos našom zemljom vladauje,
Ku dosad silnom kervjom zadobiše.
Bez odihaja **teko** sam posvud,
Da našu čeljad otajno iztražim,
Ka pravoj **vjeri** povdata moj glas
Od naše složnosti veselo primih,
Pripravljajuči se posvud na boj.*²⁷

[ŠPORER 1849: 15]

Гибридизация проявлялась не только на языковом уровне, но и в нормированной латинице некоторых старых хорватских писателей, которые смешивают “северное” (континентальное) и “южное” (прибрежное) правописание. Например, Ф. Главинич, также как и Ф. Вранчич и И. Т. Мрнавич, в своем правописании, характерном для далматинской области, использует некоторые “северные” варианты: <ly> для [lj] и <ny> для [nj]. Еще один тип гибридного правописания можно найти в словаре Белостенца, где две графемы <ë> и <è> “покрывают” несколько значений: первая используется вместо полугласного, написание которого отображают чакавско-штокавский/а/и кайкавский/е/, а вторая — вместо рефлекса ятя икавского, экавского, иекавского, икавско-экавского говора.

²⁴ Напр.: *komaj* 12, *živlenju* 30, *njiovo* 12, *zašto* 38, *gospoje* 29, *otar* 23, *vazmi* 16, *vozduh* 23, *očestvo* 12.

²⁵ Напр. Д. п. ед. ч. как в дубровницком поддиалекте (*svakim bjegovniku* 20).

²⁶ Напр.: *stina* 9: *htenje* 9: *vjera* 9: *bielog* 17: *uvjedi* 12.

²⁷ Штокавский: *odolečio*, *obašo*, *teko*; *vjeri* (дубровницкий: *himbenos*); кайкавский: *pripravljajuči*, чакавский: *kadi*, *ku*.

3.

Параллельно с попытками объединить структурные элементы по крайней мере двух родственных языков или двух хорватских наречий с целью создания гибридного типа хорватского литературного языка, в то время, когда в хорватской литературе процветали Ренессанс, Барокко и Просвещение, утверждается несколько различных стилизаций хорватского языка (чакавская, кайкавская и штокавская), соответственно, несколько хорватских литературных идиомов с разными диалектными структурами. Хотя речь идет об идиомах с одной диалектной структурой, начиная с самых ранних текстов, в которых они засвидетельствованы, в их надстройках мы встречаем примесь элементов других наречий, которые вносили старые писатели, чтобы их тексты были понятны и приняты в как можно более широкой области (например, Г. Луцич хотел, чтобы его работы стали также известны за пределами родного острова Хвара). Смешение разных элементов использовалось и для придания своей речи стилистической окраски. Использование элементов других наречий характерно не только для одного писателя, века или области, а встречается у ряда писателей всех времен во всех литературных идиомах. Это подтверждают следующие примеры:

	ЧАКАВИЗМЫ	ШТОКАВИЗМЫ	КАЙКАВИЗМЫ
Чакавский хорв. литературный язык		<i>Hvala, jer ovacih dopadoh đvorova / Gđino mi jest svacih u Boga darova</i> (Г. Луцич). По транскрипции отрывка из [LUCIĆ, HEKTOROVIĆ 1968: 88].	<i>da ju ne bum ja viditi</i> („Страсти Спасителя нашего”). По транскрипции отрывка из [HSP 2010: 640].
Штокавский хорв. литературный язык	<i>jer srce u mani razmiš[la] i ćuti</i> (Дж. Држич). По транскрипции отрывка из [DRŽIĆ 1937: 405].		<i>Eto ti većje jedanput na toliku molbu zadovolnost!</i> (Б. Тадианович). По транскрипции отрывка из [VONČINA 1988: 169].
Хорв. литературный язык	<i>Kaj štimaš, moj čtavac, da bi vazda vu tesne ove ostanke slovenskoga orsaga šaljjanuš prišel...</i> (Ю. Габделич). По транскрипции отрывка из [DUKAT 1944: 71].	<i>Z Rima opet otide, ar su ga ne mogli sluge ali redovnici crikveni terpeti, što je nje karal za greh</i> (А. Вrameц). По транскрипции отрывка из [VONČINA 1988: 264].	

Кроме того, практически нет словаря (от словаря Вранчица до словаря иллиристов), в котором бы в качестве заглавного слова или в лексикографическом описании не использовались слова из разных хорватских идиомов. Эти словари часто создавались на основе предыдущих.

Так и иллиристы в XIX веке при составлении или пополнении своих словарей опирались на языковое наследие старых словарей. Таким образом, все более старые хорватские словари имели интегративное значение в языковой культуре хорватского общества. Известен случай Антуна Канижлича из Славонии, который писал свои произведения, пользуясь словарем Делла Беллы и хорошо владея языковым наследием дубровницкого барокко, поэтому его считают запоздалым последователем дубровницких поэтов [VONČINA 1995: 303–310].

Начиная со средних веков между областями Хорватии происходит обмен текстами различных диалектных стилизаций, их толкование и адаптация.

Некоторые важные тексты (например, молитвенники) были воспроизведены дубровницкой штокавщиной XV в. с чакавских оригиналов, которые, вероятно, содержали довольно большое число церковнославянизмов. При этом в них содержится гораздо меньше чакавизмов, чем в текстах дубровницких поэтов XV и XVI веков, написанных под влиянием петраркизма.²⁸ Слово *rojstvo* (церковносл. *рождество*) в *Ватиканском хорватском молитвеннике* (*Vatikanski hrvatski molitvenik*) указывает на следы чакавского образца (ср. *Pomeni spasenje, stvoritelju, kako od našijeh telesa puti od pričiste Divice rojstva obraz primio jesi* [NHLS 2004: 159]). Кроме того, некоторые средневековые песни, происходящие из чакавской области, обнаружены в дубровницких источниках переписанными на штокавщине. Самым известным примером является песня “Почему грустишь, душа” (*Zač mi tužiš, duše*) в дубровницком сборнике различных средневековых литературных текстов написанном кириллицей в 1520 г. (*Libro od mnozijeh razloga*). Нет сомнения в ее чакавском происхождении не только потому, что она была записана еще в чакавском “Парижском сборнике стихотворений” (*Pariška pjesmarica*, 1380), но и потому, что переделыванием чакавского образца в штокавщину нарушены изначальный ритм и рифма песни [Ivšić 1932]. Есть еще несколько подобных примеров эпохи Возрождения: Никола Нальешкович переписывает на штокавщине посвящение, написанное ему Гекторовичем (1541) (первый стих: *Knjige Severina tko vidi al čuje*; в настоящее время не известно ни одной чакавской версии текста Гекторовича, только штокавские). О том, что обмен текстами на восточном побережье Адри-

²⁸ М. Решетар считает, что большая часть старейшей штокавской прозы была написана так, что тексты “...s čakavskih, izuzetno možda i s crkvenoslavenskih matica prepisani ili prerađeni i okrenuti na dubrov. govor” (“...из чакавских оригиналов, а в редком случае из церковнославянских, были переделаны или переписаны на дубровницком идиоме”) [REŠETAR 1952: 3]. О следах церковнославянско-чакавских оригиналов в старейших дубровницких молитвенниках см. [MALIĆ 2007].

атического моря был двусторонним, говорит чакавский вариант песни “Образ жаждущего оленя” (*Prilika od žedna jelina*) из сборника песен под названием “Вранчичев сборник стихотворений” (*Vrančićeva pjesmarica*), которую Ф. Фанцев [FANCEV 1931: 252–256] атрибуировал М. Ветрановичу, и нашел в ней несомненные следы первичного штокавского (дубровницкого) образца, например: Р. п. мн. ч. -а (напр., *svih strana*), неточная рифма *slast ~ vas* (на дубровницком была бы точная рифма *slas ~ vas*), переделанная в чакавскую форма *gorušći* дубровницкого литературного церковнославянизма *gorušti*, зафиксированного в дубровницкой прозе XV века и в поэтическом языке дубровницких петраркистов.

Необычным является пример книги Пергошича *Decretum* (1574), поскольку сохранившиеся экземпляры того печатного перевода с венгерского языка показывают, что книга существовала в трех редакциях (две кайкавские и одна на гибридном языке озальского круга).²⁹ Первая кайкавская редакция засвидетельствована начиная с 51-го параграфа (*tituluš*), а вторая, кайкавская и гибридная, — в разных экземплярах до 51-го параграфа, например (в квадратных скобках пример из гибридной версии):

*Osminadeste: Koteri [> koji] one zbantuju ali [> ili] zburkaju, ali [> ili] vlove [> vhte], zaderže, oplene, koteri [> koji] zmed poganov vun [> van] beže [> biže] i vu te [> va ta] orsag idu prebivat.*³⁰

Спустя семьдесят лет после первого (посмертного) издания эпической поэмы Карнарутича “Взятие Сигета” (*Vazetje Sigeta grada*), Пётр Фодроци (*Fodroczy*) выпустил ее третьё³¹ издание (1661). У самых разных авторов, от В. Гая (1866) до И. Вончина (1999), существовало мнение, что Фодроци переделывает первоначальную чакавщину Карнарутича в кайкавщину.³² Однако изменения в тексте можно назвать скорее редакторским произволом, чем серьезным намерением переде-

²⁹ Об этом см. [ПУТАНЕС 1982].

³⁰ По транскрипции отрывка и по критическим замечкам из [PERGOŠIĆ 2003: 219].

³¹ Неполный экземпляр этого 3-го издания поэмы Карнарутича (отсутствует титульный лист и страницы 13–14) хранится в библиотеке Хорватской академии наук и искусств (HAZU) (sign. R-660). Согласно труду Кукульевича “Библиография” (*Bibliografija*), речь идет о 2-м издании [КУКУЉЕВИЋ 1860: 65], а согласно Й. П. Шафарику [ШАФАРИК 1865: 167], это 3-е издание (приведены доказательства того, что второе издание было выпущено Б. Джинамми в 1639 г.).

³² “...Fodroczy kano kajkavac mienjaše jezik po svoju...”, “...kano da je, kajkavac, htio popravitì jezik primorskih protah i solarah!” (“...Фодроци, будучи кайкавцем, изменил язык на свой...”, “...хотел исправить язык, на котором говорили священники из прибрежных районов и торговцы солью!”) [КАРНАРУТИЋ 1866: XXIV, XXV]; “U XVII. st. Petar Fodroczy kajkavizirao je spjev čakavske narječne osnovice: Karnarutićevo *Vazetje Sigeta grada*” (“В XVII в. Пётр Фодроци переписал на кайкавский поэму с чакавской диалектной структурой: «Взятие Сигета» Б. Карнарутича”) [ВОНЧИНА 1999: 46].

лать чакавский текст в кайкавский. Бесспорно, такое намерение нельзя доказать заменами *jer* 17 > *zač* или *gdo* 393 > *ki*.³³ Латинское написание принадлежит к севернохорватскому типу, в котором нет различия между /č/и/ć/, а буквосочетание /šč/, соответственно /št/, в третьем издании заменено на /šć/ (*štit* 25 > *šćit*). Замены икавского рефлекса фонемы ять на экавское редки и спорадичны (*svih* 4 > *veh*, *Biograd* 11 > *Belgrad*), так и замена икавских рифм на экавские довольно редка (*bil* ~ *dil* 657–658 > *bel* ~ *del*). Замены рефлекса полугласного /a/>/e/ (*dubac* 347 > *dubec*) также спорадичны, а в некоторых случаях речь идет, скорее всего, об опечатках (*sanžak* 363 > *sanžek*). В третьем издании часто попадает фонема /z' /, несвойственная языку поэмы Карнарутича (*dovojaše* 37 > *dovođaše*, но: *meu jinom* 38 > *meju inom*). Форма имени существительного *rože* (*ruže* 136 > *rože*), несомненно, является кайкавизмом. С другой стороны, Фодроци с большим постоянством удаляет некоторые адриатизмы (в последнем слого -n > -m) или изменяет некоторые языковые особенности, которые, вероятно, он считает архаизмами (напр., причастия на -v > -vši, 1-е л. ед. ч. наст. вр. -u > -m, В. п. мн. ч. м. р. -i > -e), а порой архаизирует язык Карнарутича (напр., *štuje* 760 > *čtuje*). В третьем издании есть много разнородных изменений, которые нельзя объяснить превращением исходного языка в кайкавский. И все же кажется, что П. Фодроци, внося в издание 1661 года некоторые кайкавизмы, хотел приблизить язык Карнарутича к гибриднему языку озальского круга. На полях Фодроци часто приводил толкование некоторых слов (напр., *tisuć* = *jezer*, *guja* = *zmija*, *kača*), а это еще одна попытка объединения языка и распространения текстов в более широкой области. Такая форма толкования берет свое начало в изданиях произведения Марулича “Юдифь” (*Judita*) и его оставшейся в рукописях поэмы “Сусанна” (*Suzana*), а также изданных переводов хорватских протестантов, рукописного перевода *Библии* Кашича, некоторых текстов Иваношича и т. д. Иногда писатели сами сопровождали свои тексты словарем, в котором приводили толкование менее знакомых слов (напр., Ш. Будинич, П. Зрински, И. Джурджевич).

Мало известен хорватский писатель Юрай Мулих (1694–1754), проповедник и миссионер, к авторству которого относят три книги, написанные на градищанско-хорватском, пять на штокавском, 22 на кайкавском идиоме и одно произведение (*Pobožnost...*), опубликованное после двух кайкавских изданий (1739, 1753) на штокавщине (1759) [Fuček 1994: 165–167].³⁴

³³ В примерах из поэмы Карнарутича цифрами обозначены номера строки.

³⁴ При последних исследованиях были обнаружены новые книги и издания см. [Vrela i prinosi 1996–1997].

Сравнивая отдельные стихи двух средневековых плачей Марии, записанных лишь в XVIII в. (чакавская версия происходит из Врисника на Хваре, а кайкавская *Planctus B. V. Mariae* — из сборника *Cithara octochorda*), можно заключить, что со средних веков до XVIII века в разном окружении стихи передавались по традиции, а исходные чакавские стихи систематически переделывались в кайкавские.

“Плач Марии” из Врисника на Хваре:

*Gdi su sinko učenici
tvoji dragi naslidnici
ki umriti s tobom htihu
tebe ostavit ne hotihu...*

[FK 1996: 163]

Planctus B. V. Mariae:

*Gde su, sinko, vučenici, dragi tvoji naslednici,
Ki vumreti s tobom htehu, ostavit te ne hotehu?*

[ŠOJAT 1988: 50]

В наши дни невозможно определить пути такой бережной передачи текста. Формы звательного падежа в кайкавской версии (наряду с тем, что И. п. = Зв. п.) указывают на чакавское происхождение (напр., *Jajsi, sinko, želja moja! jaj si mene, tugo moja!*³⁵). В том же кайкавском сборнике (и в некоторых более ранних сборниках, таких как “Павлинский сборник” (*Pavlinski zbornik*), можно найти другие подобные примеры передачи в кайкавское окружение текстов с чакавским подлинником (напр., *Vu to vreme godišča, Plačnu pesem bratja pojmo* [СИНАРА ОСТОСНОРДА 1701: 151–152, 467–468]).

Иван Кризманич (1766–1852) сделал свободный перевод на кайкавский драмы Мрнавича “Османщица” (*Osmanščica*) и поэмы Канижлича “Святая Розалия” (*Sveta Rožalija*). Насколько его переделка изменил язык оригинала, видно из следующих примеров:

Канижлич

*Što mi se umivaš? Lipa si i čista,
Što mi ne prosivaš, o lipoto ista?*

переделка Кризманича

*Lepa si i čista, zakaj mi se vmivaš?
O zmožna lepota, zakaj mi ne sivaš?*³⁶

Мрнавич

*Tkoja [!] posilna moć iz jame paklene
Poteže moju zloč na strane vedrene*

переделка Кризманича

*Kakva presilna moć iz jame peklene
Vleče moju zlobu na strani vedrene?*³⁷

³⁵ То же.

³⁶ Транскрибируется по [ДУКАТ 1912: 43].

³⁷ Транскрибируется по [ДУКАТ 1912: 54].

Во второй половине XVIII века в Габсбургской монархии пособия для школьников переводят на языки народов, населяющих империю (они печатаются в основном с параллельным немецким текстом), а для говорящих на хорватском языке выполняются переводы (зачастую тех же пособий) и на кайкавщину, и на штокавщину.³⁸ В XIX веке иллиристы переводили кайкавские тексты своих хрестоматий на штокавщину. Например, в хрестоматии «Иллирийская книга для чтения» (*Ilirska čitanka*, 1856) отрывки из старинных кайкавских текстов таких писателей, как Габделич, передаются частично на оригинальной кайкавщине, а частично на штокавщине, в то время как более поздние кайкавские тексты — на штокавщине, например текст М. Яндрича:

JANDRIĆ 1821: 71 (<i>Любомирович</i> [<i>Ljubomirovič</i>], транскрипция А. К.)	ILIRSKA ČITANKA 1856: 525
<i>Fab. (osupne se) Jaj! jaj! kaj je to? jaj! krov se ruši: hoće se hiža vdreti! ah! draga moja ladica! Samo Bog oszlobodi! da se ne bi ti vu ove rušetine zakopala!</i>	<i>Fab. (prepane se). Joj! joj! što je to? joj! krov se ruši; srušiti će se kuća! o draga moja škrinjice! samo nedaj Bože, da se ti u ove podertine zakopaš!</i>

Большой шаг вперед на пути к языковой интеграции хорватского общества был сделан на побережье Адриатического моря (когда в XVII и XVIII веках чакавцы начинают писать на литературной штокавщине), а завершение интеграционного процесса в континентальной части Хорватии приходится на XIX век (когда кайкавцы также принимают штокавщину). Такой постепенный спонтанный отказ писателей от идиома, которым они пользовались с самого рождения, имел интегрирующее значение и вел к развитию единого стандартного языка всех хорватов независимо от их диалектной принадлежности.

Этот процесс был усложнен тяжелой политико-экономической ситуацией и развивался постепенно, в то же время прививалась *толерантность к языковому многообразию*. Житель Комижи Андрия Витальич (1652–1737) в предисловии к “Жалу Божьей любви” (*Ostan Božje ljubavi*, 1712) пишет: “Nu ako kom srićom ne bi bilo drago tebi takovo izgovaranje, a ti gdi najdeš: riječ, djelo, pjesan, lijep, reci: dilo, rič, pisan, lip; gdi budeš štiti: rijeti, pjevati, slišati, lijevati, a ti štij: riti, pivati, slišati, livati, i tako ćeš na tvoju volju

³⁸ См., напр., работы: [РтićAR 1991; 1993; 1994; 2004]. В числе этих переводов мало чакавских изданий.

one riči ovim načinom lasno napraviti” [VITALJIĆ 1712: 12–13].³⁹ Почти незнакомые сегодня фразы Витальича в большой степени схожи с известными выражениями Кашича и Габделича. Напомним, Б. Кашич в “Ритуале римском” (*Ritual rimski*) пишет: “Jur dakle ako ja bosanski upišem ove riči: *poslao sam, učio sam, rekao sam* ili take ine, ne branim zato Dalmatinu našem da on ne obrati na svoj način ove iste riči i inake ter reče: *poslal sam, učil sam, rekal sam*, ni manje Dubrovčaninu da ne reče: *poslo sam, reko sam*; ali gdi ja upišem: *što* ili *šta*, ne branim Dalmatinu da on reče: *ča*, ter tako u inih ričih koje ne budu upisane načinom svoga grada ili mista, svak na svoj način navrnuvši slovo kojegodir po svojoj običaji: tako ne imamo koriti jedni družih veleći da zanose”.⁴⁰ Ю. Габделич в произведении “Зеркало Марианское” (*Zercalo marijansko*) написал следующее: “Ništarmenje, komu se horvatski hoće govoriti, neka reče mesto *lehko lahko*, mesto *osem osam*, mesto *jalen jalan*, mesto *nesem nisam*, etc. Ar ne teško mesto E postaviti ili reči I ali mesto E A”.⁴¹

В XVII веке чакавский литературный язык перестал развиваться, а концепция озальского круга о гибридном языке утратила свою силу с потерей политической и экономической поддержки, которую раньше обеспечивали Зрински и Франкопаны. В этом же веке набирают силу два течения хорватского литературного языка, штокавский и кайкавский, которые начинают быстро развиваться и обрисовываться в грамматических, лексикографических и других пособиях.

В языковой политике Рима на рубеже XVI–XVII веков штокавщина считалась самым используемым идиомом, на котором следовало распространять и укреплять веру среди южных славянских народов. Несмотря на то что эта языковая политика была направлена на область более широкую, чем культурное пространство хорватов, в XVII веке ее приняли и проводили только хорваты. Это доказывают труды и деятельность хорватских иезуитов чакавского происхождения, таких

³⁹ Транскр. А. К. (“Но, если тебе, к счастью, не придется по душе такое произношение, то где встретишь слова: *riječ, djelo, pjesan, lijep*, говори: *dilo, rič, pisan, lip*, а где необходимо прочитать: *rijeti, pjevati, slišati, lijevati*, читай: *riti, pivati, slišati, livati*. Так, по своему желанию, сделаешь эти слова более благозвучными”).

⁴⁰ По транскрипции отрывка из: [VONČINA 1988: 126]. (“Значит, если я по-боснийски [= по-штокавски! – А. К.] напишу следующее: *poslao sam, učio sam, rekao sam* или похожее, я не запрещаю нашим далматинцам переделать на свой лад эти слова: *poslal sam, učil sam, rekal sam*, тем более, не запрещаю жителям Дубровника говорить: *poslo sam, reko sam*. Но где я пишу: *što* или *šta*, я не запрещаю далматинцам говорить: *ča*. Это касается и остальных слов, которые не будут написаны на манер своего города или села: каждый их запишет по-своему, как ему указывает традиция. Так не в чем нам будет упрекать других, говоря, что они коверкают наши слова”).

⁴¹ По транскрипции отрывка из [VONČINA 1988: 270]. (“Наоборот, тот, кто хочет говорить по-хорватски, пусть говорит вместо *lehko – lahko*, вместо *osem – osam*, вместо *jalen – jalan*, вместо *nesem – nisam* и т. д. Ведь не тяжело вместо E написать или сказать I, да и A”).

как Александр Комулович из Сплита (который выделялся своими переводами), и Бартол Кашич из Пага (который в Риме издал первую хорватскую грамматику), а также боснийских францисканцев (Дивкович, Маргитич, Посилович, Анчич и др.) [Brozović 1972–1973].

Прагматическая языковая политика Рима и распространенность штокавщины в южнославянской области были не единственными предпосылками к тому, чтобы в XVII веке среди хорватов штокавский хорватский литературный язык получил широкое признание. Яков Микаля, автор первого печатного одностороннего словаря с исходным хорватским языком, считал штокавщину “самым красивым” диалектом. Писатели XVII и XVIII веков, происходящие из разных центров чакавской культуры, продолжают писать на штокавском литературном языке, ориентируясь на язык дубровницких писателей. Среди них – вышеупомянутые Андрия Витальч из Комижи (1652–1737), а также Иван Иванишевич из Брача (1608–1655), Петар Канавелич (1627–1719), Яков Салечич Шале (1713–1747) и Августин Драгинич Шашка (1689?–1775) из Корчулы, Иеролим Каваньин (1643–1714) и Иван Дражич (1655–1739) из Сплита. Последний из них даже писал на латинице, используя орфографию дубровницких писателей (напр., *ziechja* 9 = sjeća, *odreghjeno* 12 = određeno, *gljubavi* 19 = ljubavi, *pridruščila* 19 = pridružila⁴²). К этому необходимо добавить, что в упомянутом предисловии Витальч пишет, что “пользуется” в своих стихах дубровницким говором, потому что “*ovako izgovarati daje niku sladkost i niki ugodan i lip* наџин оној риџи, особито у писни џетвероредкој” [VITAЉIĆ 1712: 12–13].⁴³ Но в конечном итоге, вопреки усилиям писателей, штокавский литературный язык чакавцев XVII и XVIII веков представляется разнородным и не является полностью штокавским (меньше всего штокавских единиц в стихотворении И. Иванишевича “Букет из различных цветов” (*Kita cvita razlikova*)).

В первой половине XIX века в период хорватского национального возрождения кайкавцы относительно быстро приняли штокавщину. Таким образом (невзирая на единичные случаи сопротивления) завершается процесс языковой интеграции (объединения) хорватского общества [Brozović 1973].

4.

Несмотря на то что на протяжении многих веков интеграция хорватской языковой области проходила без какого-либо продуманного

⁴² Из Празднования святого Дуйма (*Proslavljenje sv. Dujma*) [DRAŽIĆ 1996].

⁴³ “Этот говор придает речи некоторую *сладость, угодливость* и *красоту*, особенно в четверостишии”; курсив мой (А.К.).

плана, этот процесс находит отражение в истории хорватского языка и письменности начиная со средних веков до XIX века, а значит, до того, как хорватская нация окончательно сформировалась. Сначала интеграционная тенденция была продиктована *языковой общностью*, невзирая на различные языковые стилизации в наддиалектном выражении, затем *языковым единством* (в поиске общего стандартного языка). В целом, история хорватского языка определяется двумя концепциями: построением хорватского литературного языка на базе или одного, или по крайней мере двух наречий/двух языков. Концепция литературного языка с языковой структурой на базе одного наречия доминирует у хорватов с середины XVII века, и вскоре после этого штокавский литературный язык становится самым престижным хорватским литературным языком (идея создания чакавского литературного языка снимается с повестки дня во второй половине XVII века, а кайкавского литературного — в первой половине XIX века). После выбора одной (штокавской) структуры в течение XIX и XX веков хорватский стандартный язык (в том числе и как часть “сербско-хорватского”) оставался открытым для влияния нештокавских диалектов.

Литература

BROZOVIĆ 1960

BROZOVIĆ D., “O strukturalnim i genetskim kriterijima u klasifikaciji hrvatsko-srpskih dijalekata”, *Zbornik za filologiju i lingvistiku*, 3, 68–88.

BROZOVIĆ 1972–1973

BROZOVIĆ D., “Uloga bosanskohercegovačkih franjevacu u formiranju jezika hrvatske književnosti i kulture – od Divkovića do fra Grge Martića”, *Jezik*, 2, 37–51.

BROZOVIĆ 1973

BROZOVIĆ D., “O ulozi Ljudevita Gaja u završnoj etapi hrvatske jezične unifikacije”, *Radovi Instituta za hrvatsku povijest*, 3, 35–63.

BROZOVIĆ, IVIĆ 1988

BROZOVIĆ D., IVIĆ P., *Jezik, srpskohrvatski/hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski*, Zagreb.

CITHARA OCTOCHORDA 1701

Cithara octochorda seu Cantus sacri Latino-Sclavonici, quos in octo partes..., Beč.

CD 1967

Codex diplomaticus Regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, в: M. KOSTRENČIĆ (ur.), J. STIPIŠIĆ, M. ŠAMŠALOVIĆ (sakupili i obradili), *Diplomatički zbornik Kraljevine Hrvatske, Dalmacije i Slavonije*, 1 (listine godina 743–1100), Zagreb.

ČUNČIĆ 2009

ČUNČIĆ M., "Novo čitanje hrvatskoga glagoljskoga konavoskoga natpisa iz 11. stoljeća", *Slovo*, 59, 123–133.

DAMJANOVIĆ 1995

DAMJANOVIĆ S., *Jezik otačkaski*, Zagreb.

DRAŽIĆ 1996

DRAŽIĆ I., *Proslavljenje svetoga Dujma*, D. FALIŠEVAC, S. DAMJANOVIĆ, B. LUČIN (ur.), Split.

DRŽIĆ 1937

DRŽIĆ M., *Djela Marina Držića*, 2. izd., M. REŠETAR (ur.) (= Stari pisci hrvatski, 7), Zagreb.

DUKAT 1912

DUKAT V., "Život i književni rad Ivana Krizmanića", *Rad JAZU*, 191, 1–67.

DUKAT 1944

DUKAT V. (ur.), *Sladki naš kaj*, *Ogledi iz stare kajkavske književnosti*, Zagreb.

FANCEV 1916

FANCEV F., "Jezik hrvatskih protestantskih pisaca 16. vijeka [II.], Prilog historičkoj gramatici jezika hrvatskoga ili srpskoga", *Rad JAZU*, 214, 1–112.

FANCEV 1931

FANCEV F., "Dubrovačka pjesma 16 stoljeća u počakavljenom prijepisu", u: V. ČOROVIĆ et al. (ur.), *Zbornik iz dubrovačke prošlosti Milanu Rešetaru u 70oj godišnjici života*, Dubrovnik, 245–256.

FK 1996

I. LOZICA (ur.), *Folklorno kazalište* (= Stoljeća hrvatske književnosti), Zagreb.

FRANKOPAN 1995

FRANKOPAN F. K., *Djela*, J. VONČINA (ur.) (= Stoljeća hrvatske književnosti), Zagreb.

FUČEK 1994

FUČEK I., *Juraj Mulih: život i djelo*, Zagreb, Rim.

FUČIĆ 1982

FUČIĆ B., *Glagoljski natpisi*, Zagreb.

HERCIGONJA 1975

HERCIGONJA E., *Srednjovjekovna književnost, Povijest hrvatske književnosti*, 2, Zagreb.

HERCIGONJA 1983

HERCIGONJA E., *Nad iskonom hrvatske knjige, Rasprave o hrvatskoglagoljskom srednjovjekovlju*, Zagreb.

HKSU 1969

V. ŠTEFANIĆ, B. GRABAR, A. NAZOR, M. PANTELIĆ (ur.), *Hrvatska književnost srednjega vijeka* (= Pet stoljeća hrvatske književnosti, 1), Zagreb.

HSP 2010

KAPETANOVIĆ A., MALIĆ D., ŠTRKALJ DESPOT K. (ur.), *Hrvatsko srednjovjekovno pjesništvo: pjesme, plačevi i prikazanja na starohrvatskom jeziku* (= Biblioteka Hrvatska jezična riznica, Niz Starohrvatska vrela, 1), Zagreb.

ILIRSKA ČITANKA 1856

MAŽURANIĆ A., VEBER A., MESIĆ M. (ur.), *Ilirska čitanka za gornje gimnazije*, 1, Beč.

IVŠIĆ 1932

Ivšić S., "Jedna hrvatska glagolska pjesma iz 14. vijeka u 'Libru od mnogijeh razloga'", *Građa za povijest književnosti hrvatske*, 11, 1–10.

JANDRIĆ 1821

JANDRICH M., *Lyubomirovich ili priatelj pravi, Igrokaz Vu Trojem Zpelyivanyu po Mat. Jandrich Pleb. vu Czirkveni izpisan y po Th. Mikloúschich Tl. Zt. na szvétlo vån dán*, Zagreb.

JUNKOVIĆ 1972

JUNKOVIĆ Z., "Jezik Antuna Vramca i podrijetlo kajkavskoga dijalekta: dijakronijska rasprava", *Rad JAZU*, 17, 1–229.

KAPETANIĆ, ŽAGAR 2001

KAPETANIĆ N., ŽAGAR M., "Najjužniji hrvatski glagoljski natpis", *Anali Zavoda za povijesne znanosti HAZU u Dubrovniku*, XXXIX, 9–48.

KARNARUTIĆ 1866

KARNARUTIĆ B., *Vazetje Sigeta grada, složeno po Barni Karnarutiću Zadraniu*, Zagreb.

KATIČIĆ 1998

KATIČIĆ R., *Litterarum studia: Književnost i naobrazba ranoga hrvatskog srednjovjekovlja*, Zagreb. [2007]

KRIŽANIĆ 1983

KRIŽANIĆ J., *Objasñenje vivodno o pismě slověnskom*, J. HAMM (ur.), Zagreb.

KUKULJEVIĆ 1860

KUKULJEVIĆ SAKCINSKI I., *Bibliografija Hrvatska, Dio prvi: Tiskane knjige*, Zagreb.

LEXICON 1973–1978

KOSTREŃIĆ M. (ur.), *Lexicon Latinitatis medii aevi Iugoslaviae*, Zagreb.

LONČARIĆ 1982

LONČARIĆ M., "Prilog podjeli kajkavskoga narječja (s kartom)", *Hrvatski dijalektološki zbornik*, 6, 237–246.

LONČARIĆ 1996

LONČARIĆ M., *Kajkavsko narječje*, Zagreb.

LONČARIĆ 2009

LONČARIĆ M., "O klasifikaciji slovenskoga i hrvatskoga jezika s posebnim osvrtom na kajkavsko narječje", *Obdobja*, 26, 277–289.

LUCIĆ, HEKTOROVIĆ 1968

LUCIĆ H., HEKTOROVIĆ P., *Skladanja izvarsnih pisan razlicih – Ribanje i ribarsko prigovaranje i raznlike stvari ine*, M. FRANIČEVIĆ (ur.) (= Pet stoljeća hrvatske književnosti, 7), Zagreb.

MALIĆ 2007

MALIĆ D., "Tragovi crkvenoslavensko-čakavskih matica u najstarijim dubrovačkim molitvenicima", *Filologija*, 49, 137–193.

MATIJEVIĆ SOKOL 1997

MATIJEVIĆ SOKOL M., "Latinski natpisi", u: I. SUPIČIĆ (ur.), *Hrvatska i Europa: kultura, znanost i umjetnost I: Srednji vijek (VII–XII. st.)*, *Rano doba hrvatske kulture*, Zagreb, 239–256.

Misal po zakonu Rimskoga dvora, 1483

Missale Romanum slavonico idiomate, Rim, ur. R. LEVAKOVIĆ, 1631; ur. I. PAŠTRIĆ, 1706; ur. M. KARAMAN, 1741 (pretisak: Zagreb, 1971).

NHLS 2004

D. MALIĆ (ur.), *Najstariji hrvatski latinički spomenici (do sredine 15. stoljeća)* (= Stari pisci hrvatski, 43), Zagreb.

NAZOR 1993

NAZOR A., "Tragom Parčičeva glagoljskoga Misala", *Zadarska smotra*, 3, 103–120.

NAZOR 2008

NAZOR A., *Knjiga o hrvatskoj glagoljici: "Ja slovo znajući govorim..."*, S. LIPOVČAN, Z. REBERNJAK (ur.), Zagreb.

PERGOŠIĆ 2003

PERGOŠIĆ I., *Decretum 1574: Hrvatski kajkavski editio princeps*, Z. BARTOLIĆ (ur.), Čakovec.

PZ 1468

Petrisov zbornik, глaг. рукопись.

PTIČAR 1991

PTIČAR A., "Školski jezični priručnik Uputjenje k' lipopisanju iz 1785. godine", *Rasprave Zavoda za hrvatski jezik*, 17, 145–151.

PTIČAR 1993

PTIČAR A., "Početnica 'Knjižica slovoznanja' (1831) kao leksikografski poticaj", *Rasprave Zavoda za hrvatski jezik*, 19, 273–287.

PTIČAR 1994

PTIČAR A., "Prvi slavonski pravopis", *Rasprave Zavoda za hrvatski jezik*, 20, 273–280.

PTIČAR 2004

PTIČAR A., "Prvi hrvatski računski priručnici", *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 30, 173–179.

PUTANEC 1977

PUTANEC V., "Podrijetlo nekih novijih jezičnih termina u hrvatskom književnom jeziku: rječnik, točka, pravopis", *Jezik*, 5, 141–149.

PUTANEC 1982

PUTANEC V., "Jezik 'Dekretuma' (1574) Ivana Pergošića", *Hrvatski dijalektološki zbornik*, 6, 269–277.

RAMOVŠ 1927

RAMOVŠ F., "Slovenački jezik", *Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka*, IV, Zagreb.

REŠETAR 1952

REŠETAR M., *Najstarija dubrovačka proza* (= Posebna izdanja SANU, 192, Odeljenje literature i jezika, 4), Beograd.

ŠAFAŘÍK 1865

ŠAFAŘÍK P. J., *Geschichte der illirischen und kroatischen Literatur*, Prag.

ŠOJAT 1988

ŠOJAT O., "Cithara octochorda i kajkavski spjev Planctus B. V. Mariae", *Planctus B. V. Mariae, seu passio secundum Joannem*, Forum 7–8, Zagreb, 42–60.

ŠPORER 1849

ŠPORER J. M., *Kastriota Škenderbeg: Tragedija u pet izvedah*, Zagreb.

VAJS VINJA 2011

VAJS VINJA N., "Još jedan rukopisni rječnik Ivana Tanzlinghera Zanottija", *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 37/1, Zagreb, 199–260.

VITALJIĆ 1712

VITALJIĆ A., *Ostan Božje ljubavi*, Venecija.

VONČINA 1973

VONČINA J., "Jezični razvoj ozaljskog kruga", *Filologija*, 7, 203–237.

VONČINA 1977

VONČINA J., "Jezik ozaljskog kruga", u: *Analize starih hrvatskih pisaca*, Split, 191–204.

VONČINA 1988

VONČINA J., *Jezična baština, Lingvostilistička hrestomatija hrvatske književnosti od kraja 15. do početka 19. stoljeća* (= Biblioteka znanstvenih djela, 20), Split.

VONČINA 1995

VONČINA J., "Odras dubrovačkog baroka u Kanižličevu jeziku", u: J. MATANOVIĆ (ur.), *Ključevi raja: hrvatski književni barok i slavonska književnost 18. stoljeća*, Zagreb, 303–309.

VONČINA 1997

VONČINA J., "Belostenčev hibridni jezik", *Suvremena lingvistika*, 23, sv.1/2, br. 43/44, 325–339.

VONČINA 1999

VONČINA J., *Tekstološka načela za pisanu baštinu hrvatskoga jezičnog izraza, Posebni prilog Stoljećima hrvatske književnosti*, Zagreb.

VRELA I PRINOSI 1996–1997

Vrela i prinosi 21, *Radovi međunarodnog znanstvenog skupa "Isusovac Juraj Mulih (1694–1754) i njegovo doba"*, V. HORVAT (ur.), Zagreb, 1996–1997.

ZRINSKI, FRANKOPAN, VITEZOVIĆ 1976

ZRINSKI, P., FRANKOPAN F. K., VITEZOVIĆ R., P., *Izabrana djela*, J. VONČINA (ur.) (= Pet stoljeća hrvatske književnosti, 17), Zagreb.

Dr. Amir Kapetanović

Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje

Republike Austrije 16

HR-10000 Zagreb, Hrvatska

akapetan@ihjj.hr